

М.С. Горбачев: «После апрельского Пленума некоторые члены Политбюро стали высказывать мнение о целесообразности совмещения постов Генерального секретаря и Председателя Президиума Верховного Совета, как это было при Брежневе, Андропове, Черненко. С этим я не согласился. Во-первых, для меня было далеко не безразлично, как это будет воспринято обществом. Во-вторых, на таком масштабном и ответственном развороте не хотел дополнительных нагрузок, которые отвлекали бы внимание, время и силы. Наконец, в тот момент было важным произвести замену министра иностранных дел, и я не видел иного варианта, как выдвижение Громыко на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Крупный политик и дипломат, умудренный опытом человек – словом, личность незаурядная. Он стремился к контактам со мной, подчеркивая готовность лояльно сотрудничать.

Правда, Громыко рассчитывал сохранить за собой монопольное влияние на сферу внешней политики. Но уже скоро убедился, что это для меня неприемлемо. Как он реагировал? Спокойно. Умения адаптироваться к ситуации ему было не занимать, в этом состоял его талант, секрет непотопляемости.

Почему надо было менять министра иностранных дел? Предстояло радикально реформировать внешнюю политику, и ясно было, что это затронет многочисленных наших партнеров в международных делах – и союзников, и нейтралов, и противников, с которыми надо было искать формулу примирения. Крутой поворот в этой сфере был невозможен без обновления во внешнеполитическом ведомстве. Для Громыко такая задача была уже не по силам.

Впрочем, мое предложение было весьма почетным, и Андрей Андреевич принял его с удовольствием, рассматривая как достойную оценку своих заслуг перед Отечеством. Я никоим образом не изолировал его от участия в обсуждении вопросов внешней политики, как и внутренних проблем, напротив, считал ценной возможность обратиться к его памяти и опыту.

После нашего разговора с Громыко, о котором, кстати, никто до поры не знал, вопрос этот перешел в практическую плоскость. В итоге долгих размышлений я остановил выбор на Шеварднадзе.

С Шеварднадзе мы познакомились еще на XII съезде комсомола. Тогда он не совсем гладко говорил по-русски, не был, как принято говорить, молодежным вожаком, “ заводилой”, выдающимся оратором. С расхожей точки зрения – “нетипичный грузин”, очень уж сдержанный и внутренне собранный. Но было в нем нечто располагавшее к общению. Встречались мы, как я уже рассказывал, и будучи секретарями: он – ЦК Компартии республики, я – крайкома, затем ЦК КПСС. Между ставропольцами и грузинами издавна существовали живые связи, и мы с Эдуардом Амвросиевичем всячески содействовали их развитию. Конечно, ни он, ни я не предполагали, к чему могут привести эти контакты несколько лет спустя.

Со временем между нами сложились доверительные взаимоотношения, позволявшие обо всем говорить откровенно. Я имел возможность убедиться, что ко многим ключевым проблемам политики, в том числе – международной, у нас общий подход. Став генсеком и размышляя о кадрах, я пришел к мысли о том, что именно такой человек, способный размышлять и убеждать, наделенный восточной обходительностью, может справиться с новыми задачами на поприще внешней политики.

Через несколько дней после разговора с Громыко мы снова встретились для обсуждения вопроса о его преемнике. Он рассчитывал выдвинуть на этот пост кого-то из дипломатов. Говорил о Корниенко, назвал и сам же отклонил Воронцова, в то время посла во Франции. Упоминалась и кандидатура Добрынина, хотя он его не жаловал, видимо, понимал, что тот во многом ему не уступает, а может быть, и превосходит.

Когда я спросил Андрея Андреевича: “Как вы смотрите на Эдуарда Шеварднадзе?” – первая его реакция была близка к шоку. Ожидал чего угодно, только не этого. Однако в считанные секунды справился с собой, стал рассуждать, взвешивая “*pro* и *contra*”.

– Вижу, вы не воспринимаете Шеварднадзе, – сказал я, – что же, давайте подумаем, кто лучше.

И вдруг слышу: “Нет-нет, это ведь, как я понимаю, ваше выношенное предложение”.

– Хорошо, давайте еще подумаем, а затем продолжим разговор.

В следующий раз в разговоре участвовали Чебриков и Лигачев. Отметив, что сейчас нам не удастся заменить Громыко человеком, равным ему по опыту, я заключил:

– Размышляя о будущем министре, всякий раз прихожу к выводу, что он должен быть крупной политической фигурой. И в связи с этим склоняюсь к кандидатуре Шеварднадзе.

Обмен мнениями сводился к следующему. Эдуард Шеварднадзе – личность, несомненно, незаурядная, сформировавшийся политик, образован, эрудирован. Работая в трудное время в Грузии, прошел большую политическую школу как секретарь ЦК Компартии республики и кандидат в члены Политбюро. В курсе внутренней и внешней политики страны, занимает новаторские позиции. Конечным итогом было согласие. После этого я позвонил Шеварднадзе в Тбилиси и сказал, что мы предлагаем ему пост министра иностранных дел. Последовала длинная пауза.

– Все, что угодно, мог ожидать, только не это. Я должен подумать. И вы еще должны подумать. Я не профессионал... Грузин... Могут возникнуть вопросы. А как Громыко?

Сообщил, что Громыко, Лигачев, Чебриков поддерживают его кандидатуру, и попросил прибыть в Москву...»